
ДУХЪ И ОРГАНИЗАЦІЯ ¹⁾.

Духъ животворить, плоть не пользуется ни мало. (Іоан. 6, 63).

I.

И сыны Церкви, и стоящіе за ея оградой жаждутъ ея обновленія. Первые потому, что вѣрятъ въ Церковь и любятъ ее; вторые—потому, что надѣются съ ея обновленіемъ увидать выходъ изъ мучительнаго состоянія своей духовной борьбы. Ихъ борьба есть колебаніе между вѣрой и отрицаніемъ. Имъ нуженъ пророческій голосъ, чтобы или пойдти на его зовъ съ вдохновеніемъ полнаго убѣжденія, или осудить его безъ колебанія, хотя бы и на горе себѣ. Голоса, пожалуй, и слышатся; только они очень слабы; многіе говорятъ отъ Церкви, не будучи ею посланы и не отмѣченные Божественнымъ перстомъ. Для рѣшительнаго пророческаго слова въ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ чело-вѣческой исторіи Церковь должна встать во весь свой ростъ и приобрести голосъ настолько вдохновенный и сильный, насколько это для нея возможно.

При сознаніи этой насущной потребности нашего времени горько видѣть, какъ силы дѣятелей обновленія раздѣляются. И часто раздѣляютъ ихъ только недоразумѣнія. Согласное и стройное развитіе церковной жизни требуетъ тщательнаго и всесторонняго разъясненія этихъ недоразумѣній. Въ этомъ—настоятельнѣйшій долгъ церковныхъ писателей.

Однимъ изъ такихъ недоразумѣній является вопросъ о томъ, на что, при начавшемся оживленіи, должна быть направлена преимущественная забота: на развитіе-ли внѣшнихъ формъ и организацій, воспитывающихъ настроеніе и

¹⁾ *Прим. редакціи.* Привѣтствуя появленіе на страницахъ своего изданія настоящей статьи о. Силина, посвященной коренному вопросу современной церковной жизни, какъ работы, вылившейся изъ глубины христіански просвѣщеннаго разума и отъ полноты проникнутаго высокими пастырскими настроеніемъ сердца, редакція *Бог. Вѣст.* считаетъ, однако, своимъ долгомъ заявить, что она не по всемъ пунктамъ данной статьи одинаково согласна съ ея авторомъ. относительно чего она и предполагаетъ высказаться по напечатаніи всей этой статьи, въ особомъ редакціонномъ послѣсловіи.

волю, или на развитіе духа, внутренняго содержанія, какъ начала, творящаго и внѣшнія формы? Что обновить Церковь: „духъ“ или „организация“?

Между этими понятіями могло бы и не быть противорѣчія: они взаимно обусловлены. Однако людямъ иногда угодно бываетъ стоять на одной сторонѣ и утверждать свой уголъ зрѣнія, считая другую сторону того же дѣла противоположной себѣ и другую точку зрѣнія—враждебной. Отчего и происходитъ, что одностороннія начинанія гибнутъ безъ поддержки съ другой стороны, а возможное раздѣленіе труда превращается въ подозрительное препирательство.

На рѣчи о длинномъ рядѣ разнообразныхъ организацій, предлагаемыхъ для оживленія нормальной церковно-общественной дѣятельности, мы иногда говоримъ: „это—не въ духѣ Церкви; вы оживляете общественную филантропію, а не Церковь, наряжаетесь въ функціи земства, а не облакаетесь правдою Царства Божія. У насъ—въ затменіи самая сущность, основной духъ церковной жизни. *Это* нужно оживить, *это* нужно возвысить, а остальное, формы и организація, приложится: произойдетъ съ неуклонной необходимостью“. Тогда о насъ говорятъ: „они закоснѣли, имъ не хочется двинуться съ мѣста; они укрываются въ мистику, не желая взглянуть на реальную дѣйствительность: развѣ не формы и учрежденія воспитываютъ всякій духъ“?

Иногда это недоразумѣніе принимаетъ другую форму. Суетливое строительство внѣшнихъ организацій жизни намъ часто кажется работой поверхностной. Мы говоримъ тогда, что болѣзнь въ глубинѣ, что секретъ лучшей жизни—внутри человѣка, что внѣшнее строительство—малоплодная трата силъ, что все достигнется скорѣе и съ меньшей тратой энергіи, если начать работу изнутри, съ перестройки идей, чувствъ и стремленій. Тогда намъ говорятъ, что мы проповѣдуемъ безформенность жизни, что мы отрекаемся отъ великаго дѣла внѣшней культуры, прячемся внутрь, что мы воскрешаемъ „многовѣковой предрасудокъ, родившійся едва-ли не въ древней Греціи и давно уже осужденный и жизнью и исторіей“ (Бог. Вѣстн. 1905, Ноябрь, стр. 464), и намъ стараются уяснить ясное: необходимость и важность внѣшнихъ нормъ жизни. И когда, послѣ своихъ предисловіій о внутреннемъ строительствѣ, мы начинаемъ жаловаться

на неудобство нѣкоторыхъ порядковъ и условій церковной и общественной жизни, намъ говорятъ: „будьте послѣдовательны, не касайтесь внѣшняго, предавайтесь внутреннему самоусовершенствованію, разъ вы объявляете внѣшнее переустройство жизни ненужнымъ“.

Вотъ, образчикъ недоразумѣнія, сталкивающего два мнѣнія вмѣсто примиренія ихъ чрезъ взаимное дополненіе. вслѣдствіе чего происходитъ раздѣленіе возможныхъ сотрудниковъ. Апостолъ Павелъ пишетъ: „мы признаемъ, что человѣкъ оправдывается вѣрою, независимо отъ дѣлъ закона“, и спрашиваетъ: „итакъ мы уничтожаемъ законъ вѣрою?“—„Никакъ“, отвѣчаетъ, „но законъ утверждаемъ (Рим. 3, 28, 31)“. Въ выставленномъ нами недоразумѣніи дебатруется тотъ же самый вопросъ ¹⁾.

То—правда, что разсматриваемый „предразсудокъ“, родился и въ Греціи, какъ рождался и въ другихъ странахъ. „Познай самого себя“, т. е. взойди внутрь отъ внѣшнихъ знаній и дѣлъ; „знаніе есть добродѣтель“, т. е. внутренняя правда есть основа и сила справедливой жизни,—вотъ принципы, положенные въ основу общественнаго обновленія Сократомъ.

Но и одновременно съ Сократомъ и раньше его законъ духовной жизни человѣка провозглашали Пророки Израиля. Они указывали на внутреннее Богопознаніе, какъ на причину и дѣйствующую силу въ дѣлѣ устроенія мира и правды среди людей. ...Вотъ завѣтъ... говоритъ Господь: вложу законъ Мой во внутренность ихъ и на сердцахъ ихъ (сыновъ Израилевыхъ) напишу его... И уже не будутъ учить другъ друга, братъ—брата и говорить: „познайте Господа“, ибо всѣ сами будутъ знать Меня, отъ малаго до большаго (Иерем. 31, 33, 34)“. „Всѣ сыновья твои будутъ научены Господомъ. и великій миръ будетъ у сыновей твоихъ (Исаи 54, 13)“, „Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненокмъ... Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей, ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море (Исаи 11, 6—9)“. „Вложу внутрь васъ духъ

¹⁾ Бываетъ, что и постигнушіе „законъ вѣры и законъ дѣлъ“ не уважаютъ иногда въ устахъ своихъ ближнихъ той точки зрѣнія, какую почтили въ священныхъ авторитетахъ. Правда, приложенія ея въ жизни и словъ могутъ быть неудачными и смутными...

Мой и сдѣлаю то, что вы будете ходить въ заповѣдяхъ Моихъ и уставы Мои будете соблюдать и выполнять (Иезек. 36, 27)“. „Нѣтъ ни истины, ни милосердія, ни Богопознанія на землѣ... Истребленъ будетъ народъ Мой за недостатокъ вѣдѣнія (Осіи, 4, 1, 6)“... Вотъ возрѣніе ветхозавѣтныхъ Пророковъ на значеніе въ жизни истиннаго знанія.

Раскроемъ Евангеліе. „Познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“, говоритъ Господь Іисусъ Христосъ (Іоан. 8, 32). „Сія есть *жизнь* вѣчная, да *знають* Тебя, единого истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа,“ говоритъ Онъ въ молитвѣ Отцу (Іоан. 17, 3). „Царствіе Божіе внутрь васъ есть (Лукъ 17, 21)“. „Ищите прежде Царства Божія и правды Его, и это все (внѣшнее благоустройство жизни) приложится вамъ“, завѣщаваль Онъ Своимъ послѣдователямъ (Матѣ. 6, 33).

Мысль о томъ, что познаніе и вѣра „оправдываютъ“, т. е. дѣлаютъ человѣка святымъ, добродѣтельнымъ, ярко выражена и въ писаніяхъ св. Апостоловъ. Св. Іоаннъ Богословъ пишетъ: „что мы познали Его (Іисуса Христа), узнаемъ изъ того, что соблюдаемъ Его заповѣди. Кто говоритъ: „я позналъ Его“, но заповѣдей Его не соблюдаетъ, тотъ—лжець (1 посл. 2, 3, 4): всякій согрѣшающій не видѣль Его и не позналъ Его (3, 6)“. Апостоль Павелъ также утверждаетъ, что человѣкъ „обновляется въ познаніи по образу Создавшаго его (Колос. 3, 10)“, что нужно „уразумѣть превосходящую разумѣніе любовь Христову, чтобы исполниться всею полнотою Божіею (Ефес. 3, 16—19)“, что самъ онъ „все почитаетъ тщетою ради превосходства познанія Христа Іисуса (Филип. 3, 8—11)“. По ученію его, человѣкъ оправдывается вѣрою, а не дѣлами закона (Рим. 3, 20, 28); не чрезъ дѣла закона, а чрезъ наставленіе въ вѣрѣ мы получаемъ Духа (Галат. 3, 2), а плодъ Духа—во всякой благодати, праведности и истинѣ (Ефес. 5, 9). Только такъ можно оправдаться, т. е. дѣйствительно и животворно исполнить и осуществить заповѣди и идеалы закона (Галат. 5, 22, 23; Рим. 2, 13). Чтобы быть исполненнымъ, законъ, такимъ образомъ, долженъ стать вѣрою, т. е. живымъ и свободнымъ разумѣніемъ сущности и смысла бытія (Ефес. 3, 18; Евр. 11, 1). Это разумѣніе дѣлаетъ насъ солидарными съ Духомъ Божіимъ (Еф. 3, 19; 1 Кор. 2, 16), наполняетъ наше сердце Божіею лю-

бовью (Рим. 5, 5), а въ этой любви—весь законъ и все совершенство. Исполненіе же закона безъ этой любви, разумѣнія, свободы и одушевленія, безъ сочувствія и солидарности, есть рабство, иго, буквализмъ, умираніе (Рим. 7, 6; 2 Кор. 3, 6; Галат. 5, 1).

Итакъ, вотъ какое возрѣніе лежитъ въ основѣ того недовѣрчиваго взгляда, какимъ люди Церкви встрѣчаютъ попытки оживить ее путемъ внѣшнихъ дѣлъ, законовъ и организацій, вмѣсто усиленнѣйшей работы въ области смущеннаго духа и колеблющейся, отъ невѣдѣнія, вѣры.

Практическіе умы, начиная съ Аристотеля, возражали и возражаютъ Сократу, что его положеніе опровергается фактами: мы видимъ людей „знающихъ“, образованныхъ вообще и наставленныхъ въ правилахъ морали, и однако далеко не добродѣтельныхъ. Для добродѣтельности требуются опытъ и навыкъ, долгая борьба и выдержка. Противъ ученія объ оправданіи вѣрою также горячо возражали. Говорили, что это ученіе есть отрицаніе добрыхъ дѣлъ и заповѣдей закона. Дѣлались даже крайніе выводы: не лучше-ли дѣлать зло или оставаться спокойно во грѣхѣхъ, чтобы удобнѣе спастись вѣрою и благодатью (Рим. 3, 8; 6, 1)? Теперь обыкновенно указываютъ на типичныхъ ханжей, вѣрующихъ, но злыхъ, жестокихъ и грѣхолюбивыхъ. Противъ радикализма, въ силу котораго христіанство дѣлало предпочтеніе внутреннему строительству предъ внѣшнимъ, Царству Божію предъ царствомъ міра, духу предъ плотью, говорили, что это—мистицизмъ, эгоизмъ, человѣконенавистничество, презрѣніе къ землѣ, квієтизмъ и проч. Но во всѣхъ этихъ наговорахъ нѣтъ правды: всѣ они—плодъ недоразумѣнія, порождаемаго неточностью человѣческаго слова. А языкъ Церкви имѣетъ особую своеобразность. Такъ что не удивительно, если ея глубочайшія формулировки законовъ нравственной природы кажутся иногда постороннему взгляду недоразумѣніями, парадоксами.

Для Сократа *знать* означало заглянуть въ сущность вещей. Знать добродѣтель значить постигнуть существо ея. Это не дѣло только памяти и разсудка, а—разума,—цѣлостное состояніе духа. Для этого мало краснорѣчія и ушей. Слѣпороджденный можетъ прочитать лекцію о цвѣтахъ по слуху и памяти и не будетъ, однако, имѣть о нихъ ника-

кого представленія. Многие такъ знаютъ и о добродѣтели. Разсудокъ имъ говоритъ одно, а вся ихъ природа—другое. Развѣ же это знаніе? Можно-ли узнать предметъ по двумъ совершенно противоположнымъ свѣдѣніямъ о немъ? Истинное знаніе о добродѣтели есть гармонія всего нашего существа, производимая созданной нами гармоніей космоса; оно есть разумѣніе сущности вещей, производящее истинное ко всему отношеніе; оно есть проникновеніе наше въ подлинное и живое самоощущеніе добра, переживаніе его самоцѣнности, ясное сознаніе его непреходящаго смысла и вѣчныхъ цѣлей. Такое знаніе есть высокая степень совершенства человѣка, его святость, его добродѣтель.

Опытъ... Почему не на всѣхъ производить онъ одно и то же впечатлѣніе? Отъ добраго дѣла одинъ—самодовольствъ, другой—въ умиленіи, третій—гордь, четвертый—взволнованъ, пятый—любить, а иной все имѣніе свое раздастъ, тѣло отдастъ на сожженіе, а душа не дрогнетъ, сердце ни на минуту не согрѣется (1 Кор. 13, 3).

Привычка, выдержка... Говорить о выдрессированной добродѣтели значить утверждать, что добродѣтель несвойственна, неестественна для человѣка. Выдрессированная добродѣтель имѣетъ ничтожную нравственную цѣнность. Если не имѣю любви,—нѣтъ мнѣ отъ добродѣтели никакой пользы: она не добродѣтель, а я—ничтожество, мѣдь звенящая (1 Кор. 13).

Любовь же рождается отъ познанія любимаго, отъ разумѣнія смысла и цѣлей любви, что стоитъ въ неразрывной связи съ разумѣніемъ сущности и смысла бытія (Рим. 12, 2; Еф. 3, 18, 19; Колос. 3, 10; Филип. 1. 9). Любовь есть ключъ къ разумѣнію личности и разумѣніе есть условіе и основа любви. Больше понимать—больше любить; больше любить—больше понимать. Обычный кругъ при развитіи явленій жизни. Знающій живъ (Іоан. 17, 3), ибо любить (25, 26). Любовь есть основная сила и начало познанія и жизни: только любящій знаетъ Бога (1 Іоан. 4, 7, 8), только любящій пребываетъ во свѣтѣ и жизни (1 Іоан. 2, 9, 10; 3, 14). Идеаль знанія и требованіе любви есть видѣніе; оно есть отраженіе видимаго въ видящемъ, познаваемаго въ познающемъ, любимаго въ любящемъ: „мы будемъ подобны Ему (Богу), потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть (1 Іоан. 3, 2)“. Въ этомъ—сущность и смыслъ любви: она есть воз-

дѣйствіе, чрезъ постепенное познаніе, Личности Божіей на личность человѣческую и преобразование послѣдней по Идеалу Первой (2 Кор. 3, 18; Колос. 3, 10), т. е. осуществленіе человѣкомъ своей природной идеи: „образа и подобія Божія“. При познаніи и любви, при собственномъ видѣніи (Іоан. 1, 46) и создается та нравственная и духовная активность, которая необходима для того, чтобы сомкнуть всѣ данныя познанія и жизни для одного вывода, т. е. для того, чтобы вѣровать. Вѣра есть постепенно растущее видѣніе (2 Кор. 5, 6—8; 1 Кор. 13, 12; 1 Іоан. 3, 2).

Вообще, по терминологіи Писанія, познаніе, любовь, вѣра и совершенство (добродѣтель) совпадаютъ: это—разностороннія выраженія одного и того же факта духовнаго, который можетъ быть расчленяемъ только методологически, отвлеченно, а въ дѣйствительности представляетъ собою единый и простой синтезъ всѣхъ моментовъ и сторонъ развитія духовнаго существа человѣка. Поэтому Сократово недоразумѣніе „знаніе есть добродѣтель“ вполне равносильно Павлову: „вѣра есть праведность“.

И если взять „познаніе“ и „вѣра“ въ механически изуродованномъ объемѣ этихъ понятій, то, конечно, борцы противъ древняго „недоразумѣвія“ будутъ побѣдоносны. Иное дѣло—взять ихъ во всей ихъ психологической глубинѣ и органической всеобъемлющей цѣльности.

Каждый моментъ знанія есть элементъ въ познаніи Единаго. Большая широта и высшій синтезъ знанія дѣлаютъ человѣка болѣе благороднымъ, чистымъ и добрымъ, „образованнымъ“ по образу и подобию Божію—въ большей или меньшей степени.—Чтобы имѣть вѣрную оцѣнку момента, части, нужно знать смыслъ и цѣну всего, цѣлаго, т. е. знать единую основу всего. Поэтому знаніе Единаго есть знаніе всего, подобно тому, какъ знаніе основной единой идеи словеснаго произведенія дѣлаетъ для насъ ясными и каждую частность, и связь ихъ другъ съ другомъ, и ихъ вѣсь и цѣнность относительно цѣлаго. Знаніе есть видѣніе Единаго во всемъ; это—идеаль познанія, къ которому оно неустанно стремится. Это есть посредственное видѣніе, преобразующее насъ по образу Создавшаго, начало и корень будущаго непосредственнаго созерцанія. Въ такомъ смыслѣ знаніе, конечно,—добродѣтель. Если оно не добродѣтель, то

оно и не знаніе, хотя бы его такъ въ нѣкоторомъ смыслѣ и называли (1 Іоан. 2, 4).

Познаніе истины, разумѣніе высшихъ идей, освѣтившее для насъ громадный кругъ жизни, объяснившее и синтезировавшее большую группу фактовъ, производитъ въ насъ восхищеніе и восторгъ и перестраиваетъ наши отношенія къ понятымъ фактамъ и явленіямъ жизни. Что—такое чувство, что такое—восторгъ и любовь къ предмету, который не воспринять нами въ полномъ и живомъ впечатлѣніи, который не понять нами въ своемъ отношеніи къ цѣлому, не оцѣненъ и не объясненъ нами по существу? Это—миражъ, смута, инстинктъ.

Новыя сочетанія идей, новыя открытія въ наукахъ о природѣ и человѣкѣ иногда пробуждаютъ въ душахъ людей бурю восторга, заливаютъ свѣтомъ созерцаемыхъ умомъ дали, наполняютъ сердце чистымъ чувствомъ человѣческаго благородства, движутъ волю впередъ и выражаются въ дѣйствіяхъ разумныхъ и добрыхъ. Что такое—чувство, что такое—воля безъ одушевляющихъ ихъ идей? Сознанная идея способна зажечь сердца цѣлой эпохи и двинуть ее къ блеснувшей правдѣ, хотя бы и путемъ тяжелыхъ жертвъ.

Гдѣ нѣтъ сознанія, тамъ нѣтъ свободы, не можетъ быть, слѣдовательно, и добродѣтели. Только ясное и полное сознаніе правды живить сердца и крѣпить волю. Какъ можно горячо и неудержимо стремиться къ добру, не сознавъ его универсальной правды? Великія благодѣтельныѣйшія идеи были мертвымъ капиталомъ въ вѣка тьмы, и только просвѣщеніе дало имъ силу жизни. Развѣ можно сравнить какую бы то ни-было инстинктивную добродѣтель съ неотступной и восторженной дѣятельностію при ясномъ свѣтѣ разумнаго сознанія?

Но намъ укажутъ на то, что часто „доступное младенцамъ бываетъ скрыто отъ премудрыхъ и разумныхъ“, что не всегда „геній и злодѣйство несовмѣстимы“, что сегодняшній сознательный праведникъ завтра—рабъ инстинкта, и это рабство извращаетъ умъ его. Все это—правда. Конечно, только чистые сердцемъ Бога увидятъ, только любящіе познаютъ Его. Но это означаетъ только, что христіанское живое познаніе не—разсудочное и отвлеченное, а разумное, опытное. Есть большія книги о добрѣ, чтеніе которыхъ напрягаетъ умъ, а

живого представленія и порыва къ добру не даетъ. Это не живое и дѣйствительное познаніе о добрѣ, а только—лѣсъ, необходимые для возведенія зданія подлиннаго вѣдѣнія или только расчистка для него почвы. Остановиться на этой мудрости нельзя: она не сдѣлаетъ человѣка добрымъ при всей его учености. Человѣка и весьма ученаго, но не знающаго Бога, Писаніе и Церковь именуютъ „безумнымъ“. Сверхъ того—не тотъ премудръ или простъ, кто таковымъ кажется: въ нѣкоторыхъ вопросахъ вѣдѣнія „безумные міра посрамляютъ мудрыхъ (1 Кор. 1, 27)“. Но это не значитъ, что они дѣйствительно безумны. Нѣтъ, они таковы только для „міра“, т. е. для непросвѣщеннаго большинства, для толпы, которую поражаетъ преимущественно внѣшній блескъ учености. Въ дѣйствительности же они истинно мудры и разумны. Не въ учености мудрость: „многознаніе уму не научить (Гераклитъ)“, „ученыхъ много, умныхъ мало (Пушкинъ)“. Но эта дѣйствительная мудрость нуждается въ ростѣ, въ развитіи, въ учености, „доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ совершенное мужество... дабы не быть намъ болѣе младенцами (Ефес. 4, 13, 14)“. Для христіанства нужны сердца младенческія, а не умы дѣтскіе; умъ же нуженъ совершеннѣйшій (1 Кор. 14, 20). И какъ отъ превратнаго ума человѣкъ дѣлаетъ непотребства (Рим. 1, 28); такъ „умъ Христовъ (1 Кор. 2, 16)“, воспитываемый въ человѣкѣ вѣрою, такъ „просвѣщеніе познаніемъ славы Божіей въ лицѣ Иисуса Христа (2 Кор. 4, 6)“ и „разумѣніе любви Его“ преображаютъ насъ по образу славы Господней и „исполняютъ всею полнотою Божіею“. При такомъ развитіи сознанія и духа человѣческаго зло и грѣхъ не имѣютъ въ немъ основаній. Паденія же мудрыхъ и праведныхъ возможны только въ ихъ неразуміи, въ моменты тьмы, неизбѣжные ни въ какой человѣческой жизни. Если бы наше сознаніе всегда стояло на одной высотѣ, если бы мы никогда не теряли изъ полнаго и яснаго представленія идеала ни одной черты, то мы не грѣшили бы. Кто видитъ и знаетъ Господа, тотъ не грѣшитъ (1 Іоан. 3, 6). Но наши очи духовныя часто заволакиваются туманомъ. Окончательно разсѣять его—задача жизни.

Эта задача, дѣйствительно,—дѣло воли, неотступныхъ систематическихъ усилій (1 Кор. 9, 25—27). Однако воспитаніе

воли имѣть смыслъ и успѣхъ только при сознаніи цѣли воспитанія и при вѣрѣ въ эту цѣль. Наилучшее воспитаніе воли достигается всетаки чрезъ развитіе сознанія. Могучее и чистое сознаніе, вдохновенный и глубокий умственный трудъ останавливаютъ самыя буйныя инстинкты, которые въ неразвитой, малосознательной душѣ бушуютъ во всю свою стихійную мощь. Потеря свободы подъ натискомъ темныхъ побужденій возможна только при временной или постоянной вялости, темнотѣ или подавленности сознанія. Ясное сознаніе и чистое сердце—естественные преобразователи развивающейся воли, при чемъ она остается совершенно свободною. Искусственныя же стороннія вліянія и соображенія, сковывающія волю, и упорная слѣпая дрессировка ея, это—укрощеніе звѣря, который тѣмъ страшнѣе становится отъ этого, когда сдерживающая его цѣпь порвется. „Дѣлами закона не оправдается никакая плоть!“

Силой, оправдывающей человѣка, т. е. вполне насыщающей и раскрывающей его сердце, въ высшей степени укрѣпляющей и энергирующей его волю, поднимающей сознаніе на недостижимую высоту разумѣнія и мудрости, является только вѣра. Она дѣлаетъ жизнь человѣка органически и свободно согласованной съ идеаломъ и нормами закона. Вѣра—величайшая идейная сила. Она проявляется въ чловѣкѣ какъ высшая разумность, какъ совершеннѣйшая чистота, какъ пламенная добродѣтель.

Параграфы закона—мертвая, расчлененная праведность. Они рисуютъ отрывистый отвлеченный образъ добра. Живымъ сердцемъ осуществлять букву закона, которая не совпадаетъ съ его ощущеніями, значить механически и насильно обрабатывать свое нравственное существо, этотъ нѣжнѣйшій организмъ. Это—опасно: такъ создается типъ сухого бездушнаго фарисея. Иное дѣло—христіанинъ. Онъ увидаль любовь Божію, онъ встрѣтилъ Бога въ лицѣ Христа Иисуса, онъ понялъ, что сказалъ и выразилъ людямъ Отецъ снисхожденіемъ и крестомъ Своего Единороднаго. На любовь онъ отвѣтилъ любовью, характеръ и духъ Христа стали источникомъ его свойствъ, „не онъ живетъ, а живетъ въ немъ Христосъ“. Личность Христа для него—и разгадка закона, и живой его идеаль. Знать Христа для него значить любить Его, отражать въ себѣ, быть праведнымъ, „исполняться всею

полнотою Божіею“. Законъ добра—это его собственное живое сердце, преображенное видѣніемъ, познаніемъ Христа. Подъ закономъ онъ—въ свободѣ и радости. Такъ только и можно „оправдаться“, исполнить законъ. „Итакъ мы уничтожаемъ законъ вѣрою? Никакъ; но законъ утверждаемъ (Рим. 3, 31)“.

Подобно законнической и гуманитарная добродѣтель слаба сравнительно съ добродѣтелью вѣры. Естественный корень добра мощно развивается только при питаніи идеями вѣры. Я подаль хлѣба голодному, потому что онъ подобенъ мнѣ, страдаетъ, какъ я, и такъ же, какъ мнѣ, ему нуженъ хлѣбъ: я сдѣлалъ доброе дѣло во имя человѣческой симпатіи, во имя общей зависимости отъ чрева и хлѣба. Но если я взглянулъ на бѣднаго брата какъ на „разумное Божье созданье“, если мнѣ предсталъ осѣняющій его ореолъ вѣчности, Богосыновства, то я вздрогну отъ того, что увидалъ „человѣка въ грязи и съ сумой“; я накормлю и напою его, но уже не во имя чрева и хлѣба, не во имя только человѣчности и братства, а во имя Бога; при этомъ во мнѣ вскипитъ буря стыда, жалости, негодованія, сильное напряженіе воли къ тому, чтобы бороться съ этимъ унижающимъ человѣчество явленіемъ. Идеи равенства, братства, общечеловѣческой солидарности способны вдохновить человѣка на широкое дѣло любви; но вѣра въ Бога, во Христа Богочеловѣка, въ реальность величайшихъ идеаловъ человѣчества въ вѣчности, дѣлаетъ человѣка прямо-таки любовью, огнемъ добра, несокрушимой жизнеустрояющей силой. Отчего одинъ, подавъ копѣйку, спокойноѣ тонетъ въ комфортъ своего дома, а другой, подавъ ее, взволнуетъ только ненасытную тоску своего сердца, которая успокаивается лишь отъ систематическаго и могучаго служенія дѣлу добра? Это—не отъ развитія воли, а отъ свѣта и широты разумнаго сознанія, расширяющаго и очищающаго сердце. Сила любви зависитъ отъ характера идей, міро-разумѣнія. Любовь есть оцѣнка любимаго. Оцѣнить и полюбить можно, только понявъ. По холоднымъ законническимъ побужденіямъ, эгонистически, можно исполнить законъ, раздать имѣніе; но исполнить его любовью можно только при извѣстномъ знаніи, разумѣніи,—при вѣрѣ. Любить и вѣровать искусственно или по принужденію нельзя.

Любовь и вѣра имѣютъ объективныя основанія, воспринимаемыя познаніемъ, разумомъ.

Я люблю міръ; впечатлѣнія отъ жизни міра творятъ во мнѣ эту любовь. Но можно-ли любить машину? Что такое любовь у послѣдователя механическаго міровоззрѣнія? Напротивъ,—если міръ—произведеніе вѣчнаго Художника, полное Его духа, идей и характера, то я читаю въ немъ такія состоянія духа, какія раждаютъ во мнѣ любовь и восторгъ. Когда я угадываю то общее отношеніе къ міру и человѣку, какое называю „благостью Отца“,—я постепенно исполняюсь тѣмъ же отношеніемъ къ міру и къ каждому его отдѣльному явленію. И весь міръ, и каждое его явленіе получаютъ свой смыслъ и свою великую цѣнность только въ идеѣ о Богѣ. Какъ множество словъ безъ смысла, безъ объединяющей мысли, ничтожно и противно, такъ непонятенъ и ненуженъ міръ внѣ идеи о Богѣ. Такъ, любовь и истинное отношеніе къ міру созидаются вѣрой.

То же самое и въ отношеніи къ человѣку. Для невѣрующаго человѣкъ—высшее животное. Въ такомъ смыслѣ онъ и страдаетъ ему и сочувствуетъ. Но вѣра даетъ иную оцѣнку человѣку и созидаетъ иную любовь. Христіанинъ полонъ восторга къ другому человѣку, къ брату, потому что онъ видитъ въ немъ вѣчную и безусловную драгоцѣнность. Если во Христѣ Богъ сталъ человѣкомъ, если совершился глубочайшій и вѣчный союзъ съ Нимъ совѣсти человѣка чрезъ Жертву Новаго Завѣта, то я смотрю на человѣческую личность какъ на таинственное „святое святыхъ“, какъ на храмъ Божества, какъ на вѣчный жертвенникъ,—съ благоговѣніемъ и несокрушимой надеждой. Высокая оцѣнка создаетъ великую любовь, источникъ благихъ, „Божіихъ“, дѣлъ. И это—отъ познанія Христа. Познаніе Его исполняетъ насъ „полнотою Божіею“, дѣлаетъ нашимъ нравственное содержаніе Божіей жизни: Его любовь, правду, волю, дѣла (Рим. 5, 5; Ефес. 3, 18, 19). Любить человѣка любовью Иисуса Христа (Іоан. 15, 12; Филип. 1, 8) можно только тогда, когда мы видимъ его подъ угломъ зрѣнія идей Боговоплощенія и Искушенія.

Такъ вотъ какой фундаментъ христіанской морали и добродѣтели. Нѣкоторые хотѣли бы положить Евангеліе въ основу жизни, оставивъ въ сторонѣ его догматическія эле-

ментъ. Но имъ давно сказано Самимъ Христомъ: „камень, которымъ пренебрегли строители, онъ—то и легъ въ основу угла. Какъ бы краснорѣчиво мы ни излагали мораль евангельскую, наше слово никогда не выразитъ того, что выразило Божіе дѣло. Въ этомъ дѣлѣ—откровеніе высочайшихъ идей и характера,—Духа Божія. „Богъ явился во плоти“—вотъ камень нашей добродѣтели. Этимъ дѣломъ сказалъ намъ Господь, кто такой онъ, что такое для Него—человѣкъ, что такое Его любовь, Его правда и жертва. „Дѣло Божіе“ перестраиваетъ всѣ наши идеи о Богѣ и человѣкѣ, внушаетъ намъ духъ Божественнаго нравственнаго сознанія и постепенно возвращаетъ въ чувствѣ, подобномъ Его любви. „Великая благочестія тайна: Богъ явился во плоти (1 Тим. 3, 16)“. Оставить этотъ секретъ христіанской добродѣтели и красноречивить о морали евангельской,—это значитъ совсѣмъ не разумѣть Евангелія. Здѣсь, въ воплощеніи Единороднаго, перейдены такія противоположности, разбиты такія преграды, здѣсь столько неожиданной благодати, столько славы для человечества и столько чистѣйшаго вдохновенія для добра, что пытаться передать это человѣческимъ словомъ—жалкая задача. Мнѣ говорятъ о любви,—я хвалю; мнѣ дѣлаютъ молча незаслуженное и незамѣнимое благодѣяніе съ жертвой,—я потрясенъ, я покоренъ. А если Богъ—во плоти, если Онъ сдѣлалъ мнѣ это благо и это снисхожденіе, то безъ словъ понятна беззавѣтная преданность Ему христіанскаго сердца. Здѣсь—посвященіе въ самое таинство любви, живое проникновеніе въ самую сущность ея. Любовь—жизнь, она и зарождается и познается отъ жизни, отъ любви,—отъ дѣла, а не отъ слова. „Любовь познали мы въ томъ, что Онъ положилъ за насъ душу Свою (1 Иоан. 3, 16)“.

Итакъ, духъ, оживляющій Церковь въ ея движеніи къ совершенству, къ дѣламъ правды, есть постепенное восхожденіе въ познаніи и разумѣніи дѣла и духа Христова, „исполненіе Духомъ Святымъ“. Это познаніе есть живой плодъ и мысли, и сердца, и Благодати—въ ихъ жизненной неразрывности. Оно есть познаніе не отвлеченныхъ истинъ, а всей живой полноты истины во Христѣ,—познаніе не разсудочное только, а главнымъ образомъ—опытное, равносильное дѣлу, жизни, съ ними неразрывное. Это познаніе есть внутреннее состояніе Божественной жизни, передаваемое че-

ловѣку словомъ и дѣломъ Христовымъ и постепенно имъ усвояемое. „Вѣчная жизнь была у Отца и явилась намъ (1 Иоан. 1, 2)“. Развитие чувствъ и дѣлъ безъ этого „познанія“ или „разумѣнія“ будетъ одностороннимъ, малосильнымъ. Перечисляя дары Духа, св. Исаія на первомъ мѣстѣ поставляетъ „духъ премудрости и разума“ и объединяетъ „духъ совѣта и крѣпости“, *духъ вѣдѣнія и благочестія* (Ис. 11, 2). Развивать духъ, минуя то одушевление, какое дается подлиннымъ познаніемъ (—Богопознаніемъ), высокой сознательной вѣрой, значитъ достигать уродливой, безсильной нравственности. Познаніе и любовь взаимно обуславливаютъ другъ друга; истина и добро живы, когда они составляютъ одно цѣлое. Поэтому, для развитія христіанской жизни, „возрастаніе въ познаніи“, развитіе сознательности въ вѣрѣ имѣетъ громаднѣйшее значеніе: имъ создается свобода и горячность почина и энергіи въ дѣлѣ добра. Св. Ап. Павелъ пишетъ Филиппійцамъ: „Богъ—свидѣтель, что я люблю всѣхъ васъ любовью Исуса Христа; и молюсь о томъ, чтобы любовь ваша еще болѣе и болѣе возрастала въ познаніи и всякомъ чувствѣ, чтобы, познавая лучшее, вы были чисты и непреткновенны въ день Христовъ, исполнены плодовъ праведности Исусомъ Христомъ, въ славу и похвалу Божію (1 гл., 8—11)“. Гдѣ упало христіанское просвѣщеніе и сознательная вдохновенная вѣра, тамъ изсякаютъ источники христіанскаго добра.

Это возрѣніе выдвигаетъ, такимъ образомъ, на первый планъ сознательное, свободное самоусовершенствованіе, по образу Божію, человѣка, оставляя въ сторонѣ дрессировку его на основаніи закона или инстинкта добра. Но этимъ, очевидно, не отрицаются ни законъ, ни естественная добродѣтель, а напротивъ—здѣсь они получаютъ для себя единственно фундаментальную основу и могучую силу жизни.

Поэтому несправедливо полагать, что тѣ, которые критикуютъ скороспѣлую добродѣтель и ея искусственное распространеніе, не сочувствуютъ будто бы дѣлу добра и его организаціи въ жизни; нѣтъ, напротивъ: если они вѣрны тому духу Церкви, во имя котораго говорятъ, то они то именно и стремятся достигнуть того, чтобы добро имѣло и несокрушимое основаніе, и живую покаряющую силу, систематически развивающееся торжество на всѣхъ путяхъ жизни. Вопросъ

только о наилучшемъ методѣ. Неудачно избранный методъ можетъ разстроить все дѣло, сильно затруднивъ достиженіе великой и для всѣхъ дорогой цѣли.

II.

Обыкновенно думаютъ, что проповѣдники духовнаго обновленія равнодушны къ организаціямъ и формамъ добра въ жизни, что, утверждая необходимость внутренняго перерожденія, мы тѣмъ самымъ „объявляемъ внѣшнее переустройство жизни ненужнымъ“. Уже изъ сказаннаго нами ранѣе можно видѣть, что это не такъ. Разсмотримъ подробнѣе, каково именно отношеніе между „духомъ“ и „организаціей“, между „внутреннимъ“ и „внѣшнимъ?“

Духъ, который *внутри* насъ, есть органическое единство идей, чувствъ и стремленій,—живая личность, слагающаяся по образу Духа Божія. Эта духовная внутренняя жизнь есть ли жизнь неопредѣленная, безформенная? Нѣтъ, конечно: жизнь и есть именно развитіе формъ. Могутъ ли быть идеи безъ понятій, чувства безъ образовъ, стремленія безъ объектовъ? Развѣ только въ своемъ зачаточномъ состояніи; развитіе же духа состоитъ именно въ созиданіи идеальныхъ и совершеннѣйшихъ формъ для мысли, чувства и воли.

Это внутреннее развитіе возможно ли безъ отношеній къ внѣшнему міру? Безусловно нѣтъ. Безъ воспріятія внѣшнихъ формъ внутри насъ не образовалось бы ни идей, ни вообще сознанія, ни чувства, ни стремленій. Безъ воздѣйствія на внѣшній міръ нашъ духъ не развился бы какъ дѣятельная сила, и его внутреннее состояніе было бы суетой и томленіемъ, какъ лампада безъ елея, какъ могучія руки безъ работы. Совокупность совершенствъ есть любовь (Колос. 3, 14). Но что такое любовь безъ предметовъ любви, безъ полного ихъ усвоенія, безъ принадлежности имъ, безъ самопожертвованія, безъ живого дѣла? Внутреннее самоусовершенствованіе есть именно развитіе любви; но любовь есть единство двухъ или многихъ; это—сила, сливающая все человѣчество въ одинъ организмъ, вводящая всякую отдѣльную единицу въ строй общей организаціи. Поэтому нѣтъ внутренняго совершенствованія безъ внѣшняго.

На этомъ основаніи нельзя согласиться съ такими, напр.,

разсужденіями: „мы часто слышимъ проповѣдниковъ моралистовъ, призывающихъ людей къ внутреннему самоусовершенствованію и объявляющихъ внѣшнее переустройство жизни ненужнымъ. Но эти же проповѣдники настойчиво рекомендуютъ намъ держаться опредѣленныхъ порядковъ, не замѣчая того, что строгая послѣдовательность должна была бы приводить ихъ къ полному отрицанію необходимости какихъ-либо опредѣленныхъ формъ жизни, т. е. къ полной анархіи (Бог. В. Ноябрь 1905, стр. 464, 465)“. По нашему мнѣнію, такихъ моралистовъ нѣтъ. При ясномъ сознаніи органической связи внутренняго и внѣшняго, моралисты проповѣдуютъ внутреннее самоусовершенствованіе какъ наилучшій методъ перестройки ненормальности внѣшнихъ отношеній. Внутреннее совершенство есть именно совершенство отношеній къ внѣшнему: къ міру и человѣку, а чрезъ нихъ—къ Богу (1 Іоан. 4, 20). Мое „я“ само для себя не имѣетъ смысла: какъ его наполнить самимъ собою? Оно наполняется всѣмъ, что внѣ его; въ отрѣшенности отъ бытія, сущаго внѣ его, оно ничтожно и пусто, умираетъ, какъ живая клѣтка, отторгнутая отъ организма. А вмѣстить внутри себя необходимую жизнь извнѣ можно только при совершенствѣ связей и отношеній къ этой внѣшней жизни. Въ приспособленіи внутреннихъ силъ къ усвоенію и переработкѣ необъятнаго матеріала объективной жизни и состоитъ внутреннее самоусовершенствованіе. Нужно „очистить прежде внутреннее.., чтобы было чисто и внѣшнее (Матѳ. 23, 26)“.

Цѣль христіанскаго совершенства—„Царство Божіе“. Это—всемирная и вышесмирная организація. Царство Божіе есть воспоминаніе въ человѣкѣ Божественнаго начала; это—высшій возможный для человѣка союзъ съ Духомъ Божіимъ и сляніе въ Богѣ всѣхъ во едино; это—всеобщій идеально-органической синтезъ духовнаго міра. Это Царство Божіе начинается, т. е. приходитъ для cadaго новаго члена, незамѣтно для плотскаго взора: оно—*внутри* насъ (Лук. 17, 20, 21), какъ гармонія нашего внутренняго существа: „правда, и миръ, и радость во Святомъ Духѣ (Рим. 14, 17)“. Но оно растетъ, какъ зерно пшеничное или горчичное, обнимаетъ все, какъ закваска муку, отъ одного переходитъ къ другому; и наконецъ его „увидать“, когда оно „придетъ въ силѣ (Марк. 9, 1)“, раскроется вполнѣ. Начало проявленія его

какъ организаціи—собраніе двухъ или трехъ во имя Христа (Матѣ. 18, 20); полнота—„всѣ будутъ едино (Іоан. 17, 21)“, „будетъ Богъ все во всемъ (1 Кор. 15, 28)“. Эта организація, очевидно,—не внѣшняго характера: необходимымъ условіемъ и матеріаломъ ея является полное раскрытіе „внутренняго человѣка“. И, когда мы начинаемъ работу внутри, это не значитъ, что мы отрицаемъ общую видимую организацію, а значитъ, напротивъ, что мы начинаемъ дѣятельно и наиболѣе успѣшно служить именно ей, созидать именно ее.

Человѣческія „организаціи“ разстраиваются или не устраиваются отъ человѣческихъ страстей. Люди начинаютъ „устроиться“ во имя внѣшнихъ выгодъ: во имя силы, славы, власти, свободы, эгоистическаго счастья. Происходитъ раздѣлъ общихъ благъ. Каждый бьется за себя, возбуждаемый силою своихъ страстей: вмѣсто дѣла получается мука. Если общественная стройка вращается только во внѣшнемъ „царствѣ отъ міра сего“, если она совершается во имя хлѣба и чрева, проходитъ бурно, съ озлобленіемъ, въ чаду борьбы и гнѣва, то она никогда не удастся: люди будутъ видя не видѣть, потеряютъ разумъ. Отношенія въ „царствѣ міра“ изъ-за хлѣба, земли, власти, богатства и пр. весьма запутаны и продолжаютъ раздоръ. Запутались они именно отъ себялюбія и злобы, въ которыхъ—корень зла и нестроенія. И распутать это въ борьбѣ, при злобѣ и раздраженіи, нельзя, а можно только развѣ еще болѣе запутать. Пытаться устроить общую жизнь, не устранивъ главной причины ея разстройства, это, выражаясь по Толстому, „везти телѣгу кверху колесами“ или силиться сдѣлать передвиженія на периферіи, тогда какъ сначала нужно отпереть замокъ въ центрѣ, послѣ чего движенія, прежде невозможныя, сдѣлаются удобными и легкими. Стоитъ людямъ полюбить другъ друга, отказаться отъ своего исключительнаго эгоистическаго счастья,—и всѣ общественныя отношенія устроятся правильно. Кинутся всѣ къ выходу—давятъ другъ друга, даютъ одинъ другому дорогу—всѣ свободно выходятъ. Спасай себя, и ты погибнешь: отдай себя за Христа, за любовь,—спасешься. Забудьте о своихъ нуждахъ, ищите Царствія Божія, и все нужное у васъ непремѣнно будетъ; забудьте о Царствіи Божіемъ, устроятъ свои нужды, и вы не выйдете изъ вѣчной борьбы. Наилучшія успѣхи человѣческія организаціи получали

именно отъ развитія извѣстныхъ идей чисто внутренняго значенія. Говорить объ идейномъ внутреннемъ развитіи и совершенствѣ—это значитъ говорить о фундаментѣ наилучшихъ и наиболѣе благодѣтельныхъ для человѣчества учрежденій. Внутреннее совершенство есть, между прочимъ, наиболѣе живое сознаніе той мысли, что въ отдѣленности отъ общей жизни человѣкъ замираетъ и живетъ полною жизнью только въ единствѣ со всѣми. Внутреннее совершенство есть раскрытіе смысла и цѣнности личности, что необходимо создаетъ полное и истинное отношеніе ко всякому личному существу, ведетъ къ наилучшей организаціи жизни со всѣхъ ея сторонъ.

Говоря о внутреннемъ совершенствѣ, о развитіи *духа*, мы менѣе всего, при „строгой послѣдовательности“, можемъ притти „къ отрицанію необходимости какихъ-либо опредѣленныхъ формъ жизни“. Какъ—разъ наоборотъ. Если что-либо чему-либо даетъ прекрасную живую форму и организацію, такъ это именно духъ, творящій жизнь. Форма бездушная—мертвая форма. Духъ, какъ идеальный совершеннѣйшій организмъ, на все, что онъ проникаетъ, налагаетъ печать своей гармоніи. Чѣмъ болѣе одушевлена организованная форма, тѣмъ болѣе она прекрасна. Да и самая красота есть наибольшее соотвѣтствіе и соприкосновеніе съ духомъ. Чѣмъ болѣе духъ созерцаетъ и уразумѣваетъ идейную гармонію мірозданія, его творческую мысль, тѣмъ болѣе онъ воплощаетъ ее въ себѣ и тѣмъ неотступнѣе стремится выразить ее вовнѣ, для другихъ, для единой общей жизни. Истинный служитель правды и духа готовъ отдать жизнь свою за созданіе и сохраненіе тѣхъ образовъ и воплощеній, въ которыхъ онъ выразилъ блеснувшія ему идеи Вѣчнаго Разума. И нѣтъ болѣе высокаго счастья, какъ дать наилучшую форму, наяснѣйшее и самое прочное выраженіе созданной идеѣ при посредствѣ пера, кисти, рѣзца, нотъ, или лучше всего—при посредствѣ живыхъ душъ, созидающихся силою любви, чрезъ отраженіе другъ въ другъ, въ единый организмъ, въ единое зданіе—„Божіе жилище (Ефес. 4, 15, 16; 2, 20—22)“.

Поэтому-то Церковь, это духоноснѣйшее учрежденіе,—вся въ организаціяхъ, въ формахъ, въ обрядахъ, призывая на служеніе своей идеѣ всѣ роды и виды искусствъ и лучшія

установленія человѣческаго быта. Въ каждомъ словѣ, въ каждой чертѣ, а тѣмъ болѣе въ порядкахъ и формахъ общей жизни, она стремится выразить открытую ей вѣчную спасающую правду. Всѣми средствами изображенія (искусства) она выражаетъ одушевляющіи ея восторгъ вѣчности, чтобы его поняли всѣ сердца и чтобы въ немъ слились въ одинъ духъ, въ одно разумѣніе и въ одну волю „Да всѣ—едино будутъ!“

Творецъ словеснаго произведенія ни о чемъ такъ не заботится, какъ о томъ, чтобы слова его были безошибочно точны: въ нихъ буквально должны отразиться его идеи, его чувства, его духъ. Онъ боится какъ бы его произведеніе не породило въ умахъ и дѣлахъ людей совсѣмъ не то, что онъ хотѣлъ внушить, чѣмъ жилъ и волновался. Такъ и Церковь, создавая формы и организаціи своей жизни, имѣетъ неослабную заботу о томъ, чтобы онѣ были вѣрными и точными носительницами именно ея духа. Эти формы и учрежденія передадутся грядущимъ поколѣніямъ; онѣ пробудятъ, организуютъ и проведутъ въ жизнь духовныя силы этихъ поколѣній. Поэтому какъ же Церковь можетъ допустить, чтобы формы и порядки ея жизни создавались не въ ея духѣ, не ею?

Итакъ, служители духа и внутренняго церковнаго совершенства до крайности чувствительны къ вѣрности и точности формъ и организаціи церковной жизни, этихъ драгоценнѣйшихъ сосудовъ ея духа. Безъ этихъ формъ ея духъ—нѣчто смутное и неопредѣлившееся; мы ихъ ищемъ, стремясь къ развитію *духа*. Но здѣсь же беретъ начало и то настроеніе, въ силу котораго служители духа являются какъ бы вообще враждебными къ формамъ и организаціямъ. Относясь къ формамъ церковной жизни съ благоговѣніемъ, какъ къ „явленіямъ духа и силы“, они смотрятъ какъ на нетерпимое поруганіе и оупленіе религіознаго чувства на всякую форму, утратившую въ значительной мѣрѣ, духъ и жизнь, форму, уже не вмѣщающую своего идейнаго содержанія. Смотря на формы церковной жизни какъ на выразительнѣйшій языкъ и какъ на могучую формирующую силу для настоящаго и будущаго поколѣній, служители духа не могутъ спокойно видѣть фабрикацію и фальсификацію этихъ формъ по побужденіямъ *чуждаго* духа. Быть въ данномъ

случаѣ равнодушными для нихъ значить сдавать важнѣйшую позицію враждебному духу, проникающему—при посредствѣ имитациі формъ—въ самое сердце церковной жизни. Слишкомъ иногда горячій протестъ противъ устарѣлыхъ или бездушныхъ формъ, а равно и противъ ихъ искусственной поддѣлки, создаетъ „духовнымъ“ славу противниковъ „опредѣленныхъ формъ жизни“; а когда они говорятъ о формахъ и порядкахъ жизни, какъ они сами ихъ понимаютъ—ихъ призываютъ къ послѣдовательности. Но не явнo ли здѣсь большое недоразумѣніе? Горячо бороться съ формами жизни можно только тогда, когда мы придаемъ имъ большое значеніе, когда видимъ въ нихъ серьезную силу. Если созиданіе *духа* есть стремленіе къ безформенной жизни, то мы съ „организаторами“, работая совсѣмъ въ разныхъ плоскостяхъ, и не сталкивались бы. А разъ мы горячо сталкиваемся съ ними,—очевидно, что мы бьемся за нѣчто одинаково намъ дорогое. Когда противъ ихъ „организациі“ мы выставляемъ свой „духъ“, это не значить, что мы отрицаемъ форму жизни вообще, а показываетъ только, что вмѣсто сочиненной формы мы хотимъ видѣть естественную, вмѣсто мертвой—живую, вмѣсто бездушной—одушевленную. *Духъ* и есть именно основа, корень и начало наилучшей, подлинной и живой *организациі*. Въ своихъ конечныхъ практическихъ выводахъ мы можемъ даже болѣе или менѣе совпадать съ формулами организаторовъ, но это совпаденіе можетъ быть только частичнымъ и внѣшнимъ, при существенной внутренней разницѣ.

Если мы встрѣчаемъ дѣятелей, увѣренныхъ, что стоитъ только складно сочинить организацію, написать уставъ и предписать исполнять его, чтобы жизнь переродилась и пошла по указанному руслу; то, очевидно, мы не можемъ относиться къ нимъ иначе, какъ отрицательно. Организациія сама по себѣ до ничтожности безсильна; а ей нужно быть очень сильной, чтобы выдержать нешуточную „борьбу за жизнь“. Жизнь рождается отъ жизни, отъ организма. И трупъ—организациія, и серебряные вѣнки блестятъ цвѣтами и зеленью, да нѣтъ въ нихъ органической жизни. Живой организмъ нельзя сдѣлать, а можно только вырастить. Если я отвергаю скородѣльный искусственный цвѣтокъ и зарываю въ землю сѣмя, терпѣливо дожидаясь его роста и рас-

цвѣта, то это не значить, что я не люблю цвѣтовъ. Если я отвергаю искусственно созданную и искусственно навязываемую организацію жизни, а говорю: посѣйте сначала въ общественную духовную почву извѣстную идею, углубите ее въ жизни, взволнуйте сердца, одушевите, и тогда съ необходимостью и наилучшимъ образомъ создастся прекрасная и жизнеспособная форма общественнаго организма; то это не значить, что я врагъ вообще организацій. Какъ разъ наоборотъ: только такъ и создаются живыя, дѣйствительно воспитывающія, а не нудящія только людей организаціи. Господь сказалъ: „Царствіе Божіе подобно тому, какъ если человекъ броситъ сѣмя въ землю, и спитъ, и встаетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ; ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосья, потомъ полное зерно въ колосѣ (Марк. 4, 26—28)“. А безъ посѣва самыя неусыпныя заботы не создадутъ нужнаго плода. Сѣмя же, о которомъ—рѣчь, Сѣмя Царства Божія, есть слово Божіе (Матѣ. 13), познаніе истины.

Для систематическаго труда добродѣтели иногда даютъ только организацію, совсѣмъ не заботясь о томъ духѣ, какой могъ бы оживить ее. Бездушную и безсильную, по причинѣ отсутствія въ общественномъ сознаніи необходимыхъ для ея жизненности идей, такую организацію оживляютъ идеями низшаго порядка, доступными наличной массѣ. Ясно, что подобная организація, съ точки зрѣнія Церкви, должна быть отвергнута. И не потому, что организаціи намъ не нужны; а именно потому, что онѣ очень нужны и что ихъ неудачное творчество компрометируетъ все дѣло. Правда, это—соблазнительный протестъ противъ необходимой реформы, но протестъ не реакціи, а радикализма. Нужна не безсильная, а могучая форма, нужна не базарная горячка, а пророческая одушевленность, нуженъ „не духъ міра сего“, а „Духъ отъ Бога (1 Кор. 2, 12)“, нужна чистая добродѣтель, а не суррогаты ея.

Когда мы говоримъ о развитіи церковнаго духа, то мы менѣе всего стремимся разорвать виѣшнее и внутреннее, поколебать значеніе общественныхъ организацій. Въдѣ духъ, какимъ мы живемъ и развитія котораго ищемъ, не есть духъ одного, а по меньшей мѣрѣ двухъ или трехъ, собранныхъ во имя Христова. Въдѣ этотъ духъ есть порывъ къ

безусловному универсальному синтезу: пусть *все* будутъ одно, пусть *все* покорится Одному (1 Кор. 15, 28). Въдъ это—духъ той „эволюціи“, о которой только начинаетъ приближительно и сбивчиво догадываться наука; это—дыханіе того Духа, Который изначала животворилъ хаосъ (Быт. 1, 2). Этотъ „духъ“, дѣйствующій въ синтезѣ и формѣ, начиная съ простѣйшихъ явленій жизни и непрерывно восходя кверху, не можетъ быть враждебнымъ „организациі“ на ея вершинѣ, къ которымъ онъ стремится; только въ томъ случаѣ, когда въ организациі нѣтъ силы жизни, онъ, дѣйствительно, проявляется какъ начало разрушительное, какъ „огнь посядающій“, какъ огонь судящей и спасающей правды; но все это—только во имя созиданія, во имя любви...

Всѣ мы, люди Церкви, „напоены однимъ Духомъ“. Онъ „раздѣляетъ дарованія“, чтобы создать „единое тѣло“ съ многоразличными органами (1 Кор. 12, 4—14). Безъ этого Духа нѣтъ истинной церковной организациі. Въ этомъ и вся суть спора. Духъ, организующій жизнь Церкви, ревнивъ (Іак. 4, 5) къ формамъ и одушевляющимъ ихъ идеямъ: онъ осуждаетъ и отвергаетъ и всякую слабую и бездушную форму, и всякую согрѣтую „инымъ“ духомъ, хотя бы онъ и стремились копировать—по внѣшности—истинныя формы.

Церковь, въ своемъ подлинномъ значеніи, какъ существенное перерожденіе человѣческихъ отношеній, какъ глубочайшій союзъ совѣстей для единого дѣла добра, стоитъ на убѣжденіи „Богъ явился во плоти“. Это убѣжденіе или этотъ фактъ есть неисчерпаемый источникъ для вдохновеннаго творчества живыхъ и вѣчно обновляющихся формъ и проявленій человѣческой, индивидуальной и общественной, жизни. И не нужно было замысловатыхъ организациі, чтобы дать бытіе Церкви, этому союзу и движенію людей во имя Царства Божія; а нужно было, чтобы пришелъ Господь и чтобы Симонъ Петръ сказалъ Ему: Ты—Христосъ, Сынъ Бога Живаго“. Вотъ—камень Церкви, сѣмя Царствія Божія. Постройки на иныхъ камняхъ и сѣмена иного рода не нужны Церкви, потому что ничто не можетъ замѣнить „Положеннаго“ въ Его универсальной синтетической силѣ (1 Кор. 3, 11). „Ибо благоугодно было Отцу, чтобы въ Немъ обитала *вся полнота*, и чтобы посредствомъ Его примирить (возсоединить) съ Собою *все...* и земное и небесное (Колос. 1 19. 20)“.

Для устроенія жизни человѣчества нужно, чтобы вся полнота духовной жизни человѣческой личности раскрылась; нужно, чтобы всѣ раскрывшіяся личности слились въ одно цѣлое, осуществляя одинъ принципъ, достигая одну самоцѣльную непреходящую цѣль. И какое иное начало, кромѣ даннаго во Христѣ, можетъ сдѣлать это? Неужели эта вѣчная нравственная задача человѣчества можетъ осуществиться во имя хлѣба и чрева, во имя условнаго эгонистическаго счастья, во имя общечеловѣческой гордости или тому подобнаго? Нѣтъ, эти „стихійныя“ начала—немощны; поставить ихъ „во главу угла“ значитъ идолопоклонствовать. Подчинить волю человѣческихъ обществъ согласнымъ дѣйствіямъ во имя преходящихъ матеріальныхъ цѣлей можно; но это будетъ узкимъ языческимъ идеаломъ (Матѣ. 6, 31, 32). И это всегда было трудно сдѣлать: у человѣчества или не доставало нравственнаго сознанія, или его было много, и люди были или преступными или свободными, т. е. или они, вѣря въ законъ, грѣшили, или, не уважая и отрицая его, какъ законъ плоти, искали лучшаго. Устроители жизни, поэтому, всегда въ концѣ концовъ основывались на силѣ. Одной матеріальной приманки, такимъ образомъ, было мало для дрессировки людей; но и плеть не достигала цѣли. Только самоцѣнное, абсолютное начало, изнутри, въ силу ихъ природныхъ законовъ, подчинивши умы, совѣсть и волю людей, можетъ слить ихъ въ единство и двинуть къ вѣчному идеалу, сохраняя ихъ полную свободу и преумножая любовь. И это начало—въ абсолютномъ совершенствѣ Божіей жизни. Понявши Бога, человѣкъ раскрывается всѣмъ богатствомъ своего существа; въ этомъ пониманіи сливаются во едино сердца человѣческія. Во имя Бога всѣ другіе мотивы смолкаютъ, и одинъ принципъ, объединяя въ высшую гармонию всю массу стремленій жизни, подчиняя ихъ одной идеѣ, создаетъ стройное, необъятное по содержанию, произведеніе. Въ немъ все служитъ осуществленію главной идеи: а она такова, что ничего нѣтъ въ жизни, что въ своемъ идеальномъ видѣ было бы лишнимъ для ея развитія. Это и есть служеніе всей твари Богу. Это и есть Царствіе Божіе, создаваемое въ мірѣ. Это—цѣль, которая объединяетъ всѣ другія цѣли, идя къ которой—мы всего достигаемъ, осуществляемъ всякую подчиненную цѣль. „Ищите прежде Цар-

стія Божія и правды Его, и это все приложится вамъ“. Меньшее поставить цѣлью значить поклониться низшему, отступить отъ Бога. Христіанинъ все сдѣлаетъ во имя Божіе, все подчинитъ Богу, и ничего не сдѣлаетъ безъ Него. „Безъ Меня не можете дѣлать ничего (Іоан. 15, 5)“. Высшая цѣль двинетъ и всѣ низшія, осмыслить ихъ, одушевить стремленія къ нимъ; а безъ этого—все бездушно, вяло, мертво. Вотъ почему мы видимъ, что и очень добродѣтельные христіане не примыкаютъ къ нѣкоторымъ филантропическимъ начинаніямъ. Ихъ не грѣетъ, они не чувствуютъ живаго жара отъ присутствія Божественнаго начала, а ощущаютъ холодъ матеріальнаго расчета, бога вѣка сего.

Въ основу Церкви положено абсолютное нравственное начало: божественный характеръ и личность Христа. Въ этомъ возвысились, одухотворились, раскрылись и слились сердца человѣческія. Во имя этого все нужное для человѣчества будетъ сдѣлано. И если таково основаніе вселенской общины, единой Христовой Церкви, то не иное, а только это же основаніе мыслимо и для соподчиненныхъ, входящихъ въ ея составъ, общинъ. Если въ послѣднихъ жизнь замираетъ, — она можетъ быть восполнена только отъ единаго общаго корня, разъ имъ дорого быть именно христіанскими, церковными. Исповѣдуя такой фактъ, какъ явленіе Бога во плоти, съ вытекающими отсюда этическими идеями необъятнаго содержанія и безпредѣльной силы, христіане не должны основывать своей жизни и дѣятельности на чемъ либо иномъ: это было бы такъ же странно, какъ нищенствовать при миллионномъ состояніи или подстраивать глиняный фундаментъ подъ зданіе, стоящее на гранитной скалѣ. А разъ вѣра служитъ для нихъ краеугольнымъ камнемъ, то это неминуемо отразится во всемъ тонѣ и направленіи ихъ рѣчей и дѣлъ. Въ вѣкъ небывалаго упадка вѣры они не начнутъ своей работы съ вопроса о церковномъ хозяйствѣ и благотворительности, оставивъ на второмъ планѣ чисто религіозныя задачи и идеи. Нѣтъ, „во главу угла“, въ начало дѣла должно быть положено сознательное, честное и послѣдовательное отношеніе именно къ идеямъ нашей вѣры, если мы хотимъ дѣйствительнаго, а не дутаго одушевленія въ дѣлахъ любви.

Идея и дѣло добра, въ условной и частной формѣ, не мо-

гутъ лежать въ основѣ идеальнаго единенія людей. Добро очень полезно въ жизни; вслѣдствіе этого оно часто бываетъ окружено корыстными, животными и языческими, вожделѣніями. Полнаго единенія душъ на почвѣ условнаго добра, вслѣдствіе этого, невозможно достигнуть. А Церковь есть (или стремится осуществитъ) именно только такое единство, безусловное, чистое и вѣчное. Дѣйствительная *вѣра* во Христа—сила безусловно безкорыстная; она сливается всѣхъ во единомъ Христѣ, во единой божественной любви; она—источникъ высшаго, подлиннаго добра въ его безусловномъ значеніи, горячаго, живаго и всеобъемлющаго. И ничего больше для жизни не нужно. Для Церкви здѣсь—все. Это—и основаніе ея, и знамя, и пароль, и лозунгъ.

Положимъ, я слышу краснорѣчивую проповѣдь о добродѣтели. По этой проповѣди я еще не могу судить, насколько чисты и искренны побужденія проповѣдника, во чье имя онъ говоритъ, кѣмъ или чѣмъ живетъ. Но когда онъ скажетъ: „я—рабъ Іисуса Христа“, мнѣ станетъ совершенно ясно, съ кѣмъ я имѣю дѣло: мнѣ откроется самая совѣсть, сокровенная личность, самая сущность того, чѣмъ этотъ человекъ живъ; онъ весь будетъ для меня ясенъ. Эта чистѣйшая глубина совѣсти и служить почвой для *церковнаго* общенія; имя и вліяніе Господа Іисуса является на этой почвѣ силой живого духовнаго синтеза, сливающей всѣхъ вѣрующихъ въ одинъ цѣльный организмъ духовной жизни — „Церковь“. Церковное исповѣданіе есть наимогущественная дѣйствующая сила подлинно христіанской добродѣтели. Въ идеяхъ этого исповѣданія заключены сѣмена или опредѣленія истинныхъ дѣйствій и отношеній христіанина и идеальныхъ христіанскихъ организацій. Такъ въ зернѣ опредѣлены формы листьевъ, цвѣта и плода растенія. И какъ нельзя ихъ достигнуть безъ живого зерна, такъ безъ посѣва идеи вѣры нельзя получить пышнаго расцвѣта церковной жатвы, которая преумножила бы сѣмена жизни и передала бы ихъ грядущимъ поколѣніямъ.

Такимъ образомъ, смыслъ возраженій противъ „организацій“ во имя „духа“, состоитъ совсѣмъ не въ томъ, что мы считаемъ формы и организаціи общественной жизни неважными, а какъ разъ въ противоположномъ. Живыя и подлинныя формы общественной и особенно церковной жизни на-

столько важныя и великія явленія и настолько драгоцѣнные факторы духовнаго развитія, что мы горячо протестуемъ противъ попытокъ создать ихъ быстро и искусственно. Творчество инструкцій и предписаній по совѣсти нельзя признать начинаніями живыми и плодотворными. Требовать плодовъ духа, не обращая вниманія на то, что онъ сильно стѣсненъ и отчасти парализованъ, по меньшей мѣрѣ — непрактично. Организациі могутъ возникнуть, но онѣ будутъ или уродливы, или бездушны, или одушевлены чуждыми началами. Церковь не можетъ быть равнодушною къ этому, какъ никто не можетъ сознательно согласиться на подмѣну могучей жизни приличнымъ прозябаніемъ. Намъ нужны подлинно церковныя организациі, ни на іоту не сдвинутыя съ дѣйствительнаго и единаго церковнаго основанія, вызванныя къ жизни и согрѣваемыя „Духомъ, Который отъ Бога“. Такія формы не создаются въ кабинетахъ и канцеляріяхъ; они недоступны индивидуальному творчеству, развѣ только пророческому; ихъ создаетъ общая церковная жизнь. Эта же послѣдняя сильна только своимъ *духомъ*, развивается по мѣрѣ развитія и торжества общецерковнаго вѣросознанія, т. е. по мѣрѣ живого раскрытія идей вѣры въ душахъ вѣрующихъ. Поэтому начало оживленія должно лежать въ проповѣди Царства Божія и правды Его. Конечно, правда и проповѣдь — не въ словѣ только, но и въ дѣлѣ. Однако и слово и дѣло сильны только тогда, когда они — „явленія духа и силы“. Поэтому не „сперва дѣло и организациа, а потомъ духъ“, но „сперва духъ, потомъ дѣло и организациа“. А духъ — отъ истины, отъ вѣры. „Подающій вамъ Духа и совершающій между вами чудеса, чрезъ дѣла ли закона сіе производитъ, или чрезъ наставленіе въ вѣрѣ?“ (Галат. 3, 5). Конечно, „чрезъ наставленіе въ вѣрѣ“. Безвѣріе и безыдейность — источники апатіи и бездѣятельности. И когда общество поражено ими, вызвать его къ жизни бездушными и нудными дѣлами и организациями нельзя. Необходима *проповѣдь вѣры*. Правда, практически трудно раздѣлить вѣру и добродѣтель: какъ трудно пока разобраться въ живомъ фактѣ нашего рожденія: что впередъ: тѣло или душа? формы тѣла опредѣляютъ состоянія духа, или духъ организуетъ тѣло? И то и другое дано намъ въ единомъ неразрывномъ цѣломъ. Такъ и живая вѣра не бываетъ безъ дѣлъ и истинное дѣло

безъ живой идеи. Однако для насъ, поклонниковъ Духа несомнѣнно, что начало и сила—въ духѣ. Съ него и надобно начинать. Мы не начинаемъ сразу работать руками, чтобы потомъ думать, что и зачѣмъ мы дѣлаемъ; а наоборотъ—сначала подумаемъ, а потомъ дѣлаемъ. Не прямо „дѣла“ могутъ дать намъ искомое „оживленіе“, а—идеи вѣры, какъ могучія дѣйствующія силы; они способны вдохнуть въ насъ жизнь, необходимую для дѣятельности. Для больного работа изнурительна, для здороваго — источникъ энергіи. А мы больны: бездушны, безыдейны: дѣла наши—безъ огня, безъ радости. Поэтому путь къ оздоровленію лежитъ для насъ глубже внѣшней дѣятельности. Духъ и идеи вѣры должны созрѣть въ насъ настолько, чтобы властно опредѣлять всѣ наши дѣла, чтобы послѣднія не опредѣлялись посторонними началами и не были бы механическими и фальшивыми. Только при этомъ условіи наши дѣла и будутъ могучею проповѣдью вѣры, покаряющимъ людей „явленіемъ духа и силы“ (1 Кор. 2, 4).

Конечно, „законъ дѣлъ“ воспитываетъ для „закона вѣры“; конечно, язычники могутъ развить высокую „автономную“ добродѣтель; но разъ мы говоримъ о Церкви Христовой, мы не можемъ руководиться пережитыми началами. Они имѣютъ свое достоинство; но у насъ есть высшее, всеобъемлющее. Мы послушны инымъ директивамъ, обнимающимъ и законъ и свободу: „человѣкъ оправдывается вѣрою, а не дѣлами закона“, „безъ Меня не можете дѣлать ничего!“...

Свящ. Дим. Силінъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
